

Александр ДОРОШЕНКО

МУЗЕЙ

"Бессонница. Гомер.
Тугие паруса..."

Осип Манделштам

"Я в детстве мечтал о героях
из песен твоих, "Илиада"!
Аякс был сильней Диомеда,
Гектор сильнее Аякса,
самый сильный Ахилл потому,
что он и вправду был самый сильный...
О мое простодушное детство
и герои твои, "Илиада"!"

Антонио Мачадо

"Разве не получил я
трех ударов ферулой,
двух по правой руке
и одного по левой,
за то, что обозвал Елену стервой?
Разве кто-нибудь из вас
пролил больше слез по Гекторе?"

Лоренс Стерн.

"Жизнь и мнения
Тристрама Шенди, джентльмена"

Императорское одесское общество истории и древностей было создано в Городе в 1839 году (существовало по 1922 год) и естественным образом основное направление его работы было связано с античностью Северного Причерноморья, с древними греческими полисами и богатыми материалами раскопок этих городов. С 1840 года при обществе был создан музей, к которому присоединили существовавший с 1825 года городской Музей древностей. Елизавета Ксавьеровна Воронцова подарила Городу свою уникальную коллекцию античной терракоты. Общество имело право производить археологические изыскания по всей территории Южной России. В его ведении находились музеи в Феодосии, памятники Судака, Аккермана и Керчи, и Город стал родиной российской античной археологии.

Античный вид. Археологический музей был создан в 1883 году Ф.В. Гонсировским на месте небольшого здания Общества истории и древностей и вмещал в себя первоначально здания музея и библиотеки, которая в 1906 году переехала в новое здание Ф.П. Нестурха на Херсонской.

Если форма — единственное, что может создать человек, то все возможное было создано нами на заре мира, еще в период архаики, и эти формы уже не менялись. Могучий кратер, стройная амфора, закручивающая в себе всю полноту жизни, изящный килик с тугими парусами судов, летящих по самому его краю, канфары и киафы с ручками, как лебединые шеи, ойнохоя, ставшая у нас молочным кувшином, — всего не более дюжины основных форм — и все это древние греки создали из простой глины, из материала, в котором Господь создал нас самих.

Какие там древние — это вечная юность мира! Это память о тех временах, когда мы будем молоды вновь!

В этих формах удивление красотой мира, радостное восклицание, застывшее в камне и обожженной глине и длящееся уже тысячи лет... Часть форм создал Бог, когда даровал нам женское тело, остальное — древние греки. И то, что мы научились спустя тысячи лет делать из глины, очень удивило бы этих греков... Из той же глины, на тех же берегах, под тем же солнцем!

Эти формы можно разложить тематикой и постигнуть, но так понятия, они вновь превратятся в глину, откуда взяли, — так наше тело, живое и полное трепетной жизни, когда мы уходим, возвращается в землю. Греки нашли соразмерность объема, рисунка и цвета.

Греки строили храмы из могучих колонн, подобием первобытных лесов и их крон, римляне вырубали леса и прокладывали дороги и, похоже, что мы себе оставили наследие Рима — дороги, но не храмы, дороги, ведущие из ниоткуда в никуда!

Колонны храмов, как руки человека, с мольбой или угрозой простерты к небесам... как опоры небу, чтобы не рухнуло оно на землю, обессиленные держаться...

Маленький светильник, двухрожковый, как часть руки и ее естественное продолжение... Не стало этой руки, так часто зажигавшей его и шедшей с ним по комнатам дома, и он осиротел (там, где его нашли в раскопе, стоял на крутом и высоком берегу Ольвии дом, из окон виднелось море и высокий профиль полуострова Борисфен, и ночью, видный издали, в этих окнах горел светильник)...

Сосуд из Ольвии, как редкая раковина с морского дна, когда море еще было молодым и прозрачным. И рыбы, проплывая над ним, там, где его уронили с борта, где мягко и уютно лег он на чистое дно, доверчиво к нему подплывали и считали своим...

На поверхности этих сосудов живут герои — Аякс, Диомед и Гектор, и самый сильный из них Ахилл, "потому, что он и вправду был самый сильный"... Занесен меч над головой врага, и две тысячи лет ожидает смертельного удара упавший на колено воин. И все пространство музейных залов наполнено звуками битвы у стен Илиона, криками героев, плачем безутешных женщин...

Там трудно стоять, там колеблется пол, там музейные стены в отблесках огня горящего Илиона. Летят, распустив змеинные волосы, эринии, свирепые богини мщения...

Дно килика вместило море с ладьей Диониса, мачта судна проросла виноградной лозой, и созрели уже виноградные гроздья (они полновесны и упруги, как груди зрелой женщины), дремлет в тени паруса ослепевший Дионис и весело играют в воде дельфины, задевая борта ладьи... Из этого килика пил вино человек, и пока пил, любовался и рассматривал открывающееся взгляду судно в спокойном море...

(В Библии нам был отведен срок земной жизни в 120 лет. Ошибки предков этот срок сократили, и уже греки считали 70 лет пределом. Но если подумать — живем мы только в немногие светлые минуты — в тишине выпиваемой чашечки кофе, во времени сгорающей сигареты, в улыбке друга, в сказке, рассказанной перед сном ребенку, — и если подсчитать срок действительной нашей жизни, — ужаснешься ее малости, — оставшееся время суесть и беспомощности сердца считать не стоит.

Всего ничего! Поэтому на мудром Востоке так ценили тишину и покой.)

Скачут лошади по крутым бокам тяжелых кратеров, догоняя друг друга, плывут в камышах утки, раздумывает над нашей жизнью бородастый козел... Они сохранились такими и сегодня и дождались нас — вот бы их расспросить, каковы мы?

То, чем украшаем мы свои тарелки и вазы, скудость орнамента и цвета говорит о нас больше, чем все остальное, чего мы достигли...

Эти герои, хитроумный Улисс и могучий Геракл, сильные и менады, воинственные амазонки, были у них в домах, даже в самых бедных, ежедневно и всегда, ежечасно, с первых детских шагов и в смерти. Мамы рассказывали своим древнегреческим детям чудесные истории о героях, а в этих историях были неизведанные моря, загадочные острова и тайны, которые еще только предстояло открыть. Эти истории звучали на нашей земле, а поутру маленький грек выбегал на высоту наших береговых откосов и жадно смотрел в морской простор — и манило его море, — как и нас, когда мы выросли, — мальчишек — жадно манил этот зов дальних странствий!

И виделась ему далекая родина, откуда пришли корабли к этим берегам, — и он чувствовал себя эмигрантом, как мы, — наша родина — всегда — за морями, — которых нет!

(Наши береговые откосы и высокие травы, и мысы, и залив, и фонтаны — они помнят свои древнегреческие имена, и если откликаются на наши слова, — это чтобы нас не пугать...)

Статуи богинь и гречанок без рук и голов — так они красивее... Что можно добавить к страстной красо-

те Ники Самофракийской или спокойной величавости Артемиды из Херсонеса?

Чаще сохранились улыбающиеся мужские головы — чему улыбаются греки? Может быть, глядя на нас, стоящих за витринными стеклами?

(В городе Милете, нашей прародине¹, лежащем на западном побережье Малой Азии, любили анекдоты. Милетяне их называли "историями", и весь современный греческий мир знал эти милетские истории-авантюры с грубоватым юмором, часто непристойным. Так на наши берега пришел-приплыл анекдот, быстрый и краткий, как язык змеи, яркий и свежий, как раскрывшийся цветок, веселый и беспощадный, как громкий площадный смех. Смеялись этим историям в Ольвии и Тире, выдумывали новые, и они до нас не дошли, но зарезали воздух, проникли в ракушечник крутых береговых откосов, леги, качаясь, на морскую волну — и так дождались нас.

Дураки у нас в Городе — всегда заезжие. Сегодня они множатся. Нас быстро вылечивал от глупости смех, вначале — страхом насмешки, позже — чувством юмора. Человек, не чувствующий юмор, — опасно неблагополучен. Если женщина не улыбается твоим шуткам — покинь ее, но если улыбается — присмотришься, наверное, пытается обмануть и льстит!)

Раскопанная детская могила — памятная стела и урна, и детские игрушки, положенные родителями в могилку, глиняные птички и черепашки, и маленькие детские чашечки с красочным узором, которыми игрался ребенок...

Ложат отбитые ручки амфор с клеймами Милета и Мегары, как отбитые члены статуи размером и формой, еще полные напряжения жизни...

Ольвийский монета — бронзовый асс — и на его поверхности отпечаток встретившихся в передаче монеты рук...

Сидят грустные смирившиеся с вечностью львы у подножия памятных стел, а на этих стелах права, даденные тысячи лет назад на беспощадную торговлю в городах Никонии и Тире... Никто ведь этих прав не отменял!

Мимо этих памятных плит, уцелевших обломков колонн, пьедесталов статуй (с отбитым ног, но ушли сами ноги, сойдя с пьедестала...) ходили греки Ольвии и Тире по своим ежедневным делам. Наши берега они называли иначе и для наших Фонтанов у них были свои любимые имена. Кипарисовые доски саркофага, с сучками и кольцами роста, сотканые из солнечных лучей, видели улицы и дома Ольвии, мимо которых однажды пронесли саркофаг... а до этого многие годы они зеленели под солнцем и этот, навсегда и навеки заснувший, когда-то мальчишкой сидел в тени кипариса и ел свой древнегреческий бутерброд, положенный в сумку мамой...

Они здесь родились и прожили жизнь, это была их родина, ставшая по наследству нашей...

Невысокие статуэтки женщин из Танагры, стоящих, сидящих, танцующих... живущих! Чуть тронуты краской вышьющиеся волосы, она на складках одежды и на сандалиях. Как тонкий аромат духов. Прошло 2500 лет, но в этих женщинах уже есть все, и большего быть не может — жест нежной руки, повязка на вьющихся волосах, наклон головы, улыбка (у них загадочная улыбка, чуть намеченная уголками губ и глаз, загадочнее чем у Джоконды)... Рядом их зеркала, из полированной бронзы с неглубоким рисунком на обороте, — плывут по краю дельфины, играя в воде и догоняя друг дружку. Какие руки держали ручки этих зеркал, блеск каких глаз в них отражался?! Стекланные с золотом бусы еще хранят форму и тепло женской юной шейки... Бывали ли у греков не красивые женщины вообще, и какова же была сама Елена?!

Присмотришься на свою беду, что-то тронет сердце... и вглядываясь в эту улыбку оцепенело — вот-вот дрогнут ее губы и скажут всю жизнь ожидаемые слова... Не докричатся! Конечно, были древнегреческие старухи, но гречанки всегда были

прекрасны и молоды! В этих залах все женщины красавицы и все мужчины воины! Такими были филистимляне, греческое племя, переплывшее море и давнее имя Палестине, и глядя на статуэтки из Танагры, можно понять, почему же Самсон предпочитал филистимлянок женщинам своего народа... Почему такой смертельной любовью он любил эту женщину — Далиду?!

(О Самсон! Переполненное неукротимой силой, юное и буйное дитя народа Израиля. Как могло такое случиться, на страницах Библии ему места нет и быть не могло, но вот любил, как молодость, Народ своего буйного героя и исключить его из памяти не позволил. Громадный, с густой гривой никогда не подстригаемых волос, заплетенных семью косами, с глазами, в которых пылали все краски молодого мира, с нравом, которому ничто противостоять не могло. Горе своих родителей, беда своего народа, ужас и унижение филистимлян!)

Но погубила его, конечно, не женщина, не Далида. Я могу себе все же представить Самсона, кисти Делакруа это будет под силу, но вот Далида, на коленах которой он усыпал, какую она была? (Во враждебном городе, где все жаждало его смерти, где был он один, спокойно заснуть на коленах любимой, обреченной на предательство!) Наверное, она его посвояла любила и рассказывала она Самсону перед сном истории своего народа, о хитроумном Улиссе и неукротимом Геракле (и, прервав расчесывание его волос, странное чувство приходило ей в сердце, как походи они, Геракл и ее Самсон, победители львов! Мне кажется, что Самсон был огненно-рыжим). Какой невиданной силы была эта любовь — ведь понимал Самсон, что души его она ищет, и играя называл ей все ложные пути к своей гибели, а она его тут же предавала, и он даже не сердился. И устал Самсон: "И как она словами своими тяготила его всякий день и мучила его, то душе его тяжело стало до смерти. И он открыл ей все сердце свое..." — и сказал ей правду, заведомо зная, что правда эта обернется гибелью. С тех пор так поступаем мы все...

Какова была радость филистимлян! Посмеищем сделали они своего неукротимого врага, ослепив и ошелевляя (а где же были колена Израиля, что позволили случиться такому, если героем своим его ощущали?). И как обезьяну или инога дикого и страшного на свободе зверя, стали водить на канатах ослепшего и глумиться, украшая этой радостью свои праздники. (Мрамором статуи стояла за портьерами своего дома Далида и смотрела в узкую щель на своего Самсона.) Но не заметили они, как отрасли волосы Самсона и вернулась покинувшая его страшная сила. И подождя в храме их, филистимляне, где они собрались все на праздник, три тысячи, а его привели в храм для глумления, он взялся руками за опорные столбы этого храма и сказал слова, даровавшие в памяти человечеству ему бессмертия и превратившие все глупости, сделанные им, в подвиги и славу Народа: "Умри, душа моя, с филистимлянами!" — и рванул на себя опоры храма.

На самом деле это история любви — Далида и Самсон — какие там художочные Гамлеты и прекрасные Елены!) Греки долго искали верную точку на побережье — Тира (Офиусса) — Никоний — Ольвия, и все никак не могли ее отыскать — лучшую из наилучших, место нашего Города... Но и на земле нашего музея, по всему Приморскому бульвару стояли греческие дома, выселись колонны храма и ходили по своим делам греки...

Как они называли наш Приморский бульвар?

В те годы Черное море было внутренним морем греков. И в нем острова, с которых все начиналось в VII веке до нынешней эры — Левка (Змеиный) и Борисфен (Березань), на которых стояли храмы — Ахилла и Аполлона Врача, видные издали, стояли белые над синевой моря греческие полисы, у крутых берегов плескалась волна в борта стоящих на якорях судов... Тугие паруса, полные ветра с юга. Эти острова знал весь античный мир, теперь их не знает никто... Смытые прошедшей над ними небывалой волной, пустые теперь и голые камни. Как корабли, покинутые в море...

Может быть, теперь они вновь ожидают древних будущих греков и выстраивают в морских горизонтах парусные их корабли?

Нам достались от тех времен львиные маски, быстротекущий меандр и фигуры наших женщин — высшее совершенство мира... И память, растворенная в нашем воздухе и бьющая в берег волнах, о нашем тысячелетнем прошлом...

И еще улыбка, случайная, странная, ты ее внезапно чувствуешь на собственных губах, и в удивлении пытаешься понять, отчего она... это как поцелуй из глубины времен, когда мы были так молоды и беспечны...

Перед музеем стоит скульптурная копия Лаокоона (точно такая стоит на берегу океана в Сан-Франциско, и тоже у тамошнего музея, оригинал же находится в Ватикане), где в страшном напряжении сил отец пытается спасти своих сыновей от удушьяющего кольца карающих змеинных тел. Долгий путь проделала эта пирамидальная скульптурная группа (маленькими были сделаны скульптором фигуры взрослых уже сыновей Лаокоона по сравнению с центральной фигурой отца, чтобы придать визуальную целостность всей группе), перемещаясь по Городу. Она стояла первоначально в саду скульптур на даче Григория Григорьевича Маразли на Французском бульваре и затем, когда в связи с революцией грабались дачи, была перенесена в центр Города и много лет стояла в очаровательном скверике на Преображенской, в месте впадения в нее Полицейской улицы. Оградой был обнесен этот сквер, и много лет я бежал мимо нее в институт. Странна и печальна судьба Лаокоона. Наказанной богиней Афиной Палладой за попытку предупредить троянцев об опасной выдумке Одиссея с деревянным конем, он тысячелетия терпит не гнев так далеко от Трои. Уже третье место занимает эта скульптура в Городе и ни где покоя найти не может. Отбиты руки у несчастных сыновей лаокооновых сегодняшними вандалами, орудием гнева своего выбранными Афиной Палладой так много веков назад.

У юных народов глубокой древности чудо деторождения и детородные органы вызывали поклонение и неиссякаемый интерес. Так возникла фаллическая культура. Сегодня такой период переживаем мы — половые органы² Лаокоона, неоднократно уже отбитые и восстановленные, сегодня раскрашены любителями прекрасного в яркие цвета (как крашенки)... Действительно — впечатляет!

Перед музейным зданием и по всему периметру внутреннего сада Литературного музея стоят каменные скифские или полочекие бабы со сложными покойно рукавами. Они тысячелетия стояли в степи, в густых травах, на высотах холмов. Их вывезли для сохранности в наш музей. За эти совсем немногие годы своей городской жизни они страшно и стремительно разрушились — совершенно стерлись черты лиц. Оказалось, что городская среда, нами не ощущенная дым и копоть здоровой городской жизни, для них губительны совершенно. Но возможно, что они попросту не хотят больше видеть нас вместе со всем нашим прогрессом и нас слышать, то, о чем мы говорим. Они были богами и покровителями степных кочевых народов. Люди для них были только вместе с конями и стадами скота. Густая и высокая трава степи мягко и ласково стелилась волной к их ногам, зверье бежало по всяким своим делам в этой траве, лепота множество птиц, шли неторопливо столетия, из глубины которых приходили к ним люди, их родной народ. Даже и не в том деле, что не стало этого народа, ради которого они жили на земле, что они теперь измазаны краской и всякими глупыми словами — от отвращения к нам, сегодняшним, они уходят в вечность, скрывая от нас свои лица.

Может быть, теперь они вновь ожидают древних будущих греков и выстраивают в морских горизонтах парусные их корабли?

Нам достались от тех времен львиные маски, быстротекущий меандр и фигуры наших женщин — высшее совершенство мира... И память, растворенная в нашем воздухе и бьющая в берег волнах, о нашем тысячелетнем прошлом...

И еще улыбка, случайная, странная, ты ее внезапно чувствуешь на собственных губах, и в удивлении пытаешься понять, отчего она... это как поцелуй из глубины времен, когда мы были так молоды и беспечны...

Перед музеем стоит скульптурная копия Лаокоона (точно такая стоит на берегу океана в Сан-Франциско, и тоже у тамошнего музея, оригинал же находится в Ватикане), где в страшном напряжении сил отец пытается спасти своих сыновей от удушьяющего кольца карающих змеинных тел. Долгий путь проделала эта пирамидальная скульптурная группа (маленькими были сделаны скульптором фигуры взрослых уже сыновей Лаокоона по сравнению с центральной фигурой отца, чтобы придать визуальную целостность всей группе), перемещаясь по Городу. Она стояла первоначально в саду скульптур на даче Григория Григорьевича Маразли на Французском бульваре и затем, когда в связи с революцией грабались дачи, была перенесена в центр Города и много лет стояла в очаровательном скверике на Преображенской, в месте впадения в нее Полицейской улицы. Оградой был обнесен этот сквер, и много лет я бежал мимо нее в институт. Странна и печальна судьба Лаокоона. Наказанной богиней Афиной Палладой за попытку предупредить троянцев об опасной выдумке Одиссея с деревянным конем, он тысячелетия терпит не гнев так далеко от Трои. Уже третье место занимает эта скульптура в Городе и ни где покоя найти не может. Отбиты руки у несчастных сыновей лаокооновых сегодняшними вандалами, орудием гнева своего выбранными Афиной Палладой так много веков назад.

У юных народов глубокой древности чудо деторождения и детородные органы вызывали поклонение и неиссякаемый интерес. Так возникла фаллическая культура. Сегодня такой период переживаем мы — половые органы² Лаокоона, неоднократно уже отбитые и восстановленные, сегодня раскрашены любителями прекрасного в яркие цвета (как крашенки)... Действительно — впечатляет!

Перед музейным зданием и по всему периметру внутреннего сада Литературного музея стоят каменные скифские или полочекие бабы со сложными покойно рукавами. Они тысячелетия стояли в степи, в густых травах, на высотах холмов. Их вывезли для сохранности в наш музей. За эти совсем немногие годы своей городской жизни они страшно и стремительно разрушились — совершенно стерлись черты лиц. Оказалось, что городская среда, нами не ощущенная дым и копоть здоровой городской жизни, для них губительны совершенно. Но возможно, что они попросту не хотят больше видеть нас вместе со всем нашим прогрессом и нас слышать, то, о чем мы говорим. Они были богами и покровителями степных кочевых народов. Люди для них были только вместе с конями и стадами скота. Густая и высокая трава степи мягко и ласково стелилась волной к их ногам, зверье бежало по всяким своим делам в этой траве, лепота множество птиц, шли неторопливо столетия, из глубины которых приходили к ним люди, их родной народ. Даже и не в том деле, что не стало этого народа, ради которого они жили на земле, что они теперь измазаны краской и всякими глупыми словами — от отвращения к нам, сегодняшним, они уходят в вечность, скрывая от нас свои лица.

² У нас много органов тела, но мы говорим "глаза", "нос" и "уши", и только для самого важного используем слово "орган". Видимо, по этой же причине и смыслу, и государственным органами мы называем самые главные — те, куда пишут или куда вызывают, или откуда приходят, причём называем их уважительно — на "вы" — "органы". (Прим. автора)

¹ Милетяне основали Одесс, давший имя нашему Городу.